

всегда наслаждаться дружбой со всеми повсюду живущими народами, и хотят, чтобы находящиеся под их властью города украшались и изобиловали людьми опытными во всякой премудрости, в словесном искусстве и житейском искусстве. Ведь все люди стремятся идти туда, где слышат, что близкое им словесное искусство или житейское искусство находится в большом уважении.

Таково содержание глав. Отдельные места их определенно указывают на то, что они имеют в виду именно юного царя. Не даром в главе третьей вспоминается вопрос Давида: «Въ чемъ исправить юный путь свой?»¹ В поучениях к юноше особенно уместно также приведенное в гл. 13 сравнение восприимчивой человеческой души с воском и бумагой: «Умъ всякъ человѣческій, аще по образу и по подобію божію созданъ глаголется, обаче ничтоже по навиканію разликуеть воска и бумаги. Яко же бо на тѣхъ якова же письма хочетъ кто начертаетъ; тѣмъ же образомъ и человѣческій умъ: въ нихъ же ни буди привыкнеши его обычаехъ и учениихъ, или благихъ или злыхъ, въ тѣхъ же до конца пребываетъ и любезно водворяется».² Все произведение носит преобладающий дидактический характер, но дидактика его чужда мелочности: здесь излагается ряд моральных наставлений, переносящих центр тяжести в глубь нравственного сознания. Красоте внешней земной противопоставляется красота внутренняя, «умная красота души», «умная души доброта», достижение которой и считается самым главным делом. Истинная нравственная настроенность украшает душу человека и ведет по пути добра его внешние поступки. Но вполне естественным является вопрос, что представляют собою «Главы»: просто ли это кодекс морали, состоящий исключительно из общих мест вне живой связи с современностью, или нужно понимать эти «Главы» иначе. Мы уже раньше останавливались на одном месте «Глав», именно на гл. 23, содержащей вполне определенный конкретный совет относительно церковных имуществ. Теперь следует указать еще на последнюю 27 главу, советующую в интересах процветания державы гостеприимное отношение к иностранцам. Эта мысль возведена в нравственную норму для правителя, конечно, из того тяжелого жизненного опыта, который претерпел сам Максим в Московской державе, не только радушной, но и подозрительной к своим гостям. Главы 23 и 27 уже не укладываются целиком в схему общих мест. Наоборот, они естественно вызывают предположение, нельзя ли искать связи с реальностью и в других пунктах. «Главы», как видели мы, начинаются с вопроса о борьбе со

¹ Каз. изд., I, стр. 158.

² Ibid., стр. 165.